

УДК 82-94

МЕМУАРЫ: НА СТЫКЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кузьмина С.Г.,**научный руководитель д-р филол. наук Пелевина Н.Н.*****Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова***

Еще И.В. Гёте в своем автобиографическом произведении „Dichtung und Wahrheit“ показал, что репродуктивное воспоминание и продуктивная фантазия в ходе повествования постоянно находятся в конфронтации, поэтому жанр автобиографии как литературы воспоминаний находится на стыке между документальной и художественной литературой.

В отечественной и зарубежной филологии существует богатая традиция исследования мемуарной литературы, однако она не столько выделяет этот жанр среди других, сколько подчеркивает его неоднородность и эклектичность (З.А. Алейникова, В.С. Бахаров, Л.Я. Гаранин, Л. Гинзбург, Т.М. Колядич, Н.А. Левковская, А.Ю. Мережинская, И.Л. Смольнякова, И.С. Янская, В. Кардин, I. Aichinger, E. Bruess, M. Jurgensen, J. Kronsbein, K.-D. Mueller, G. Niggel, B. Neumann, J. Starobinski, S. Schwab, H. Winter и др.). К мемуарам относят дневники, письма, личный архив, автобиография, автобиографический роман, литературный портрет, воспоминания историков, публицистов, писателей, артистов, общественных деятелей, путевые записки, а также литературу потока сознания с автобиографическими чертами. Среди наиболее актуальных типов ретроспективно ориентированных нефикциональных текстов следует назвать историографические, агиографические, биографические и мемуарно-автобиографические тексты.

Многообразие и неоднородность мемуарных текстов не позволяют делимитировать их и отнести к какому-то определенному стилю письменной речи. Л.М. Ньюбина объединяет всю мемуарную литературу в класс мнемонических текстов с определенным набором типологических, конститутивных признаков, которые происходят из онтологических особенностей этого жанра. Мнемонический текст пишется автором на основе своих воспоминаний и связан с самораскрытием его личности, которая принадлежит определенному историко-культурному контексту. Наиболее достоверное описание признаков мнемонического текста возможно при взаимодействии поэтики и лингвистики, поскольку сочетание их методик позволяет выявить как композиционно-структурные особенности этого класса текстов, так и языковые средства их реализации [Ньюбина 2003: 3].

По мнению В.Е. Недбайло, в различных жанрах мнемонических текстов варьируется сочетание различных картин мира – научной, художественной и эмоциональной. Так, например, в мемуарах, литературных портретах и путевых записках, благодаря наличию фактуальной, документальной и образной информации, важным оказывается взаимодействие научной и художественной картин мира. В дневниках и письмах преобладают элементы эмоциональной картины мира. В текстах эссе присутствуют элементы научной, художественной и эмоциональной картин мира, они создаются на стыке научной, художественной и публицистической литературы. Совмещением особенностей художественной, документальной и научной прозы, «исторической» и «личностной» правды, документальности и художественного изображения обусловлен особый тип повествования в мнемонических текстах [Недбайло 2006: 261].

Чрезвычайно важным фактором является здесь процесс интеграции реконструируемого прошлого в сферу индивидуального авторского сознания: относится изображаемое к области лично пережитого или оно является составляющей общечеловеческой исторической действительности.

Для подтверждения наличия в мнемоническом тексте элементов документальной, художественной и эмоциональной картин мира в статье будут проанализированы мемуары периода Второй Мировой войны: «Dievų miškas» («Лес богов») литовского писателя Балиса Сруоги и «Альянс и разрыв со Сталиным» Иохима фон Риббентропа в русском переводе (немецкоязычная версия данных мемуаров отсутствует в свободном доступе).

Сруога Балис – литовский писатель, литературный критик, публицист, литературовед, драматург, театровед, переводчик, доктор философских наук – в 1943 году стал заключенным концлагеря Штуттоф. Его мемуары «Dievų miškas» имеют документальную основу: подлинность названий, имен и фиксация реальных событий, пережитых автором на собственном опыте. В подтверждение подлинности рассмотрим отрывок, где Б. Сруога рассказывает о вербовке молодежи в ряды СС в феврале и марте 1943 года и о предпочтении молодых людей вступать в организацию балтийских партизан «Лесные братья»: *1943 metų vasaris, kovas. Vokiečių okupacinė valdžia skelbia Lietuvos jaunimo mobilizaciją į vokiškas SS eiles. Šaukia stoti ir vokiškom bausmėm nestojantiems grūmoja. Jaunimas bausmių nenusigąsta. Jaunimas į SS neina. Jaunimas traukia: Tu girele, tu žalioji... Jaunimas traukia į žaliąją girelę. Jaunimo suėmimo įstaigose tarytum giltinės vaikštinėta.*

Нельзя не заметить, что в канву этого документального изложения фактов автор вплетает художественные приемы: лексическая анафора (*Jaunimas*), придающая высказыванию эффект некоторого упрямства и настойчивости, отрывок из песни (*Tu girele, tu žalioji*), эвфемизм (*Jaunimas traukia į žaliąją girelę*), подразумевающий присоединение к партизанскому отряду, метафора (*tarytum giltinės vaikštinėta*). Необходимо отметить, что элементы художественной и эмоциональной картин мира непрерывно сопровождают весь текст повествования в различном виде. В следующей отрывке, рассказывающем о приходе гестаповцев, эффект взволнованности и стремительности создается восклицанием в авторской речи и короткими структурами односоставных предложений:

Kovo 16 diena. Bevartaliojant kalinišką knygą, 23.30 valandą laiptuose pasigirsta sunkūs kaustyti žingsniai.

- Trep, trep, trep, - vokiškai kaukši. Pažvelgėme viens į kitą, išgirdę kaukšėjimą. Be žodžių aišku:

- Ką dabar griebis?

Duryse ilgas skambutis valdančiu tonu. Širdys stabtelėjo. Bato duslūs smūgiai į durų lentas.

Taip ir yra; du gestapininkai. Pilki! Pakaustyti.

Даже при описании страшных и неприятных моментов Б. Сруога непрерывно прибегает к иронии. Например: *Staiga iš ligoninės durų išsoko velnias. Faktas. Tikras velnias, nors visiškai į modernišką žmogų panašus, su balta prijuoste per visą pilvą. Pamatęs šliaužiančius numirėlius, pragariškai, kaip vieni velniai temoka, nusikeikė. Pagaudamas už kojų, veikiai jisai sutampė nepaklusnius numirėlius atgal į krūvą – Вдруг из дверей больницы выскочил черт. Поверьте, настоящий черт, но вполне похожий на человека. Белый передник облегал живот. Увидев ползающих мертвецов, черт выплюнул ругательство такое, какое под силу только черту. Он бросился к непослушным покойникам, схватил их за ноги и потащил обратно в кучу* (перевод здесь и далее Г. Кановича и Ф. Шуравина); *Kitas, sietu besijodamas kanalizacijos lobį, radęs auksinį daiktą,*

ima jį tuojau - ir pats praryja. Vėl tokiam smaližiui valdžia lazdy krečia, ricina vaišina, - kanalizacijos lobis reikia iš naujo sijoti... – Случалось, что каторжник, просеивающий ситом сокровища канализации, находил золотую вещь и тут же снова ее проглатывал. Лакомку угощали палками и касторкой, а канализационную жижу опять фильтровали с особой тщательностью...

О постоянном присутствии элементов эмоциональной картины мира в тексте мемуаров Б. Сруоги свидетельствует большое количество восклицаний в авторской речи, риторические вопросы, экспрессия в выражении собственного мнения и описание действий персонажей. Например: *Palikę numirėlius, nuleidę galvas, nukulniavome mudu su bičiuliu Jonu savo pareigų eiti ir laukti, kada ir mum ateis eilė atsigulti prie ligoninės ant sniego. Vis dėlto kažkokios rakštys po dūšių braido, šitokių būdu paliekant sėdinčius ir mirksinčius numirėlius. Bet ką tu žmogus padarysi dabar? Radę nuošalesnę vietelę už barako, pasislėpėme ir spoksome, ką tie mūsų numirėliai toliau darys. Nepataisomi vargšeliai! – Оставив "покойников", низко опустив головы, побрели мы с приятелем Йонасом выполнять свои обязанности и ждать, когда и нас уложат под окнами на снегу. Мрачные мысли терзали душу. Не выходили из памяти "покойники", с безумным взглядом сидевшие на снегу. Но что было делать? Найдя местечко подальше от любопытных глаз, мы спрятались и стали смотреть, что они будут делать дальше. Горемыки несчастные!*

В прозе, насыщенной элементами художественной и эмоциональной картин мира сохраняется, однако, документальная основа. Мемуары Б. Сруоги представляют собой некоторую «энциклопедию» концлагерной жизни. Все исторические факты периода Второй Мировой войны и каждый эпизод, начиная с места расположения лагеря и заканчивая ликвидацией Штутгорта с переходом его узников в деревню Годдентов, где автор обрел свободу, описаны с точностью и достоверностью, без вымышленных персонажей, мест и событий. Видимо, именно поэтому данные мемуары нельзя отнести к художественной литературе в чистом виде, как, например, повесть Марианны Ланге-Вайнерт «Девичьи годы» («Mädchenjahre»), которая также основана на воспоминаниях автора о переживаниях своих детских лет. Данное произведение имеет довольно слабую документальную основу, несмотря на изображение реальной личности поэта-коммуниста Эриха Вайнерта, отца писательницы.

Мемуары Риббентропа «Альянс и разрыв со Сталиным» существенно отличаются от «Dievų miškas» Б. Сруоги. Риббентроп – один из главных нацистских военных преступников, который был казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. Мемуары были опубликованы посмертно его женой в 1953 году.

Строгую документальную основу данных мемуаров создают исключительно реальные персоналии, локации, даты и достоверность событий. Весь текст произведения напоминает детальное описание поэтапных действий автора и участников происходящего. Например: *Я ознакомил с этой речью фюрера и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов, дабы установить, действительно ли за этой речью скрывается серьезное желание Сталина. Сначала Адольф Гитлер занял выжидательную позицию и колебался. Но когда находившиеся на точке замерзания переговоры о заключении германо-советского торгового договора возобновились, я все-таки предпринял в Москве зондаж насчет того, нет ли возможности преодоления политических разногласий и урегулирования вопросов, существующих между Берлином и Москвой. Переговоры о торговом договоре, которые очень умело вел посланник Шнурре, за сравнительно короткий срок продвинулись вперед.*

В отдельных случаях автор мемуаров прибегает к нумерации фактов или констатирующих сообщений, как это принято в научной и официально-деловой

коммуникации, например: *Я лично как человек, докладывавший фюреру об этом компромиссе с Советским Союзом, надеялся, в частности, на следующее:*

1. Скорейшая ликвидация наипаснейшей конфликтной ситуации, которая могла угрожать миру в Европе, путем дипломатического преодоления мировоззренческих противоречий между национал-социализмом и большевизмом.

2. Создание действительно дружественных германо-советских отношений на фундаменте германской внешней политики в духе Бисмарка.

3. В тогдашней особой ситуации августа 1939 г. использовать все возможности дипломатического решения проблемы Данцига и коридора в духе предложений Адольфа Гитлера.

Весь текст мнемонического повествования насыщен датами и номинациями реальных мест: *24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию. Предусматривалось, что я прямо из Москвы должен лететь в Берхтесгаден, чтобы доложить обо всем фюреру в его резиденции Бергхоф <...> 27 сентября 1939 г. — еще в последний день польской кампании — я во второй раз вылетел в Москву для урегулирования вопросов о вступлении советских войск в Польшу. Я нашел у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти что сердечный прием. Во время этого визита большой линией на карте были установлены границы между будущим генерал-губернаторством и Советским Союзом. Одновременно было обсуждено далеко идущее торговое соглашение и подписан договор о дружбе [и границе] от 28 сентября 1939 г.*

Строго официальный стиль повествования в воспоминаниях Риббентропа исключает разного рода экспрессию. В то же время эгоцентризм данного мнемонического текста противоречит требованию безличности официально-делового стиля. На протяжении всего произведения читатель наблюдает «Я» автора, видит его непосредственное участие в происходящем. В тексте выражаются также мысли и переживания автора, например: *Я хорошо осознавал особую ответственность возложенной на меня миссии, тем более что это я сам предложил фюреру предпринять попытку договориться со Сталиным. Возможен ли вообще действительный компромисс взаимных интересов?*

Таким образом, синтез документального и художественного является сущностным признаком мемуарной литературы, но их соотношение в текстах воспоминаний разных авторов может быть различным. Оно зависит как от коммуникативной интенции автора мемуаров и характера описываемых им событий, так и от уровня развития его художественного мастерства.

Список использованной литературы:

НЕДБАЙЛО Е.В., 2006. «О некоторых особенностях мнемонических текстов» // *Studia linguistica XV. Язык и текст в современных парадигмах научного знания.* СПб.

НЮБИНА Л.М., 2000. Поэтика и прагматика мнемонического повествования (на материале немецкой литературы воспоминаний XX века). Автореф. д-ра. филол. наук. Смоленск.

Список источников примеров:

РИББЕНТРОП, И., ФОН. Альянс и разрыв со Сталиным. <http://4itaem.com>.

СРУОГА Б. Лес богов. <http://lib.rus.ec>.

SRUOGA B. Dievų miškas. <http://www.antologija.lt>.